

Сальвадор Дали знал,
как потрясти воображение.

Начинал он с «Альбома тухляков», придуманного вместе с Федерико Гарсия Лоркай. Тухляками, разумеется, были добропорядочные и благополучные буржуа.

Закончил он, сам в какой-то степени превратившись в «тухляка». Добропорядочным, конечно, его назвать было трудно, но вот «буржуазности» в нем оказалось навалом...

Так получилось, что Сальвадор Дали для России – отнюдь не «один из» художников двадцатого века. Увлечение Дали в нашей стране возникло в пору, когда «стало можно». В результате Дали долгое время ассоциировался с этим «можно», став символом свободы и раскрепощенности. И пошло: очереди у Пушкинского музея, репродукции из «Огонька», которые наклеивались на стены потрясенными интеллигентами.

Между тем всемирный миф о Дали тускнел с каждым годом жизни Дали. Слава великого художника, завоеванная в тридцатые, уходила, оставив место славе великого мастера саморекламы. Этот мастер рассказывал направо и налево замыслы фильмов, которые так и не были сняты; он оформлял витрины на Пятой авеню, а потом устраивал

УЛИТКА, алчущая долларов

скандал с битьем стекла; он хвастался тем, что открыточка с его «Тайной вечеринкой» было продано больше, чем рекламных да Вин-

было, что какой-нибудь критик писал в своей статье про «очередные упражнения Дали в искусстве китча»; Дали и Гала радовались любым текстам в прессе. Забавная деталь: эта парочка просила своих агентов высыпать из Америки статьи о

Избивая
восьмидесятилетнюю
Галу, Дали упрекал
ее не в изменениях,
а в том, что она
«растранжирила
целое состояние на
своих мальчиков».
У мадам Дали были
сломаны два ребра

себе, любимых. Однако по-английски оба читали так плохо, что часто не могли понять, хвалят или ругают. Пресса воспринималась чуть ли не на вес — если пишут, значит, хорошо. Рекламщик, одно слово.

спортивная одежда, «шоколад» — что угодно, лишь бы платили наличными. Рассказывают, что Гала провозила через таможню ценные сумки контрабандных денег — просто брала сверток с тысячами купюр и спокойно шла через «зеленый коридор».

Главный удар по своей репутации художника Дали нанес сам, и дело тут было не в эпатажных выходках и не в расистских высказываниях, за которые Андре Бретон отлучил Дали от сюрреализма. Просто в шестидесятые Дали получал по десять долларов за подписанный чистый литографический лист. В час

таких листов он подписывал около тысячи, после чего бумага с автографами уходила из издательям. Теоретически на таких листах должны были печататься оттиски с гравюр Дали, однако за этим особенно никто не следил. Масштаб этой авантюры можно представить себе по маленькому эпизоду: в семидесятые французская таможня задержала грузовик, в котором было сорок тысяч чистых литографических листов. На каждом листочке стояла знаменитая подпись.

Все тот же Андре Бретон придумал анаграмму, переставив буквы в имени Дали - Avida Dollars, «алчущий долларов». Дали не обиделся: он вообразил, что анаграмма будет с еще большей силой притягивать к нему деньги. Сам он говорил о «зелененьких» с

95 лет назад родился великий
и ужасный Сальвадор Дали

- нежностью: «После мадам Дали я люблю доллары больше всего, потому что я мистик».

не мог. Слово «фальсификация» нависло над Дали даже здесь.

Гала – и музы, и подельница – про подобные упреки говорила просто: «Они платят нам наличными, кому какое дело до остального? Дали создал свое искусство, теперь он может продавать на него права кому пожелает и столько раз, сколько ему заблагорассудится». Это число раз было ограничено только смертью «алчущего долларов».

...А незадолго до смерти он галлюцинировал. Представлял себя улиткой и вспоминал про Гарсиа Лорку.

Валентина ЛЬВОВА.

**Сны Дали давно
превратились в штампы,
но притягательности
не утратили.**

